

УДК 398.22

DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-204-223

А. Н. Веселовский и научная полемика о генезисе героической эпопеи

Татьяна Владимировна Говенько^{1,2}

¹ Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (стр. 1, д. 25А,
ул. Поварская, 121069 Москва, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

² Институт филологии Московского педагогического государственного
университета (д. 1/1, ул. Малая Пироговская, 119435, Москва Россий-
ская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-1296-8399. E-mail: govenko@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Говенько Т. В., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется отношение выдающегося русского ученого Александра Николаевича Веселовского (1838–1906) к научной полемике, которая развернулась еще в начале XIX в. вокруг теории происхождения героической эпопеи. *Цель.* По широте научной проблематики и уровню методологии А. Н. Веселовский был признан одним из передовых ученых своего времени как в России, так и за рубежом. Обладая редким кругозором, владея множеством языков, он бесстрашно брался за текстологические эксперименты, умело пользовался инструментарием разных научных школ, непринужденно работал в междисциплинарном пространстве, удивляя коллег яркими, не всегда по достоинству отмеченными гипотезами. В этой статье мы ставим перед собой следующие задачи: выяснить, на каком основании сложилась теория А. Н. Веселовского о происхождении героической эпопеи; узнать, была ли она в дальнейшем усвоена наукой; установить, кто из ученых пришел к аналогичным с ним заключениям; скорректировать восприятие теории А. Н. Веселовского о происхождении эпопеи. *Материалом исследования* послужило научное наследие ученого. *Методы исследования:* текстологический, ретроспективный, метод исто-

рического комментирования. В завершающей части статьи мы делаем *выводы* о том, какое значение имела эта научная дискуссия в попытке раскрыть общие закономерности и какое значение это имело для исторической поэтики А. Н. Веселовского в целом.

Ключевые слова: А. Н. Веселовский, эпос, героическая эпопея, компаративистика, стилистические приемы, мотив, сюжет

Для цитирования: Говенько Т. В. А. Н. Веселовский и научная полемика о генезисе героической эпопеи // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 204–223. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-204-223

UDC 398.22

Alexander N. Veselovsky and Scientific Controversy about Genesis of Heroic Epic

Tatiana V. Govenko^{1,2}

¹ A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS (25A/1, Povarskaya St., 121069 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher Associate

² Moscow Pedagogical State University, Institute of Philology (1/1, M. Pirogovskaya St., 119435 Moscow, Russian Federation)

Associate Professor

 0000-0002-1296-8399. E-mail: govenko@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Govenko T. V., 2021

Abstract. *Introduction.* The article analyzes attitudes of the outstanding Russian scholar Alexander N. Veselovsky (1838–1906) towards the scientific controversy to have arisen in the early 19th century around the theory of origin of heroic epic. *Goals.* The breadth of academic expertise and sophisticated methodologies made A. N. Veselovsky a recognized leading scientist of his era both in Russia and worldwide. Distinguished by spacious mind and fluency in multiple languages, he would fearlessly tackle textual experiments, skillfully use tools of different scientific schools, spontaneously work in interdisciplinary space to surprise colleagues with bright though not always appreciated hypotheses. So, the article aims at revealing foundations of A. N. Veselovsky's

theory of origin of heroic epic, clarifying whether it was further accepted by scientific community, specifying which scientists came to similar conclusions, and adjusting the perception of A. N. Veselovsky's theory. *Materials and methods.* The study provides an insight into scientific heritage of the scholar with the aid of textual, retrospective methods, and that of historical comments. *Results.* The article concludes as to the significance of that scientific discussion in an attempt to identify common patterns and its place in A. N. Veselovsky's historical poetics in general.

Keywords: A. N. Veselovsky, epic poem, heroic epic, comparative literature, stylistic techniques, motif, plot

For citation: Govenko T. V. Alexander N. Veselovsky and Scientific Controversy about Genesis of Heroic Epic. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 3. Pp. 204–223. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-204-223

Введение

В XIX столетии в филологической науке остро встал вопрос о генезисе эпopeи. Большинство ученых руководствовалось эстетическими взглядами и личными ощущениями, доказывая, что эпopeя — это корпус песенных сюжетов, свод которых был осуществлен образованным «систематизатором» и «интерполятором». В науке эта гипотеза получила название «теории редакционного свода». В разные периоды ее последователями были: Ф. Вольф, К. Лахман, К. Мюлленгоф, Г. Парис, Л. Готье, К. Фориель, П. Мейер и другие. Однако поскольку далеко не каждая редакция эпического памятника дает связанное изложение, а многие эпизоды остаются без всякой прагматической связи — вопрос о происхождении эпopeи оставался открытым.

В конце XIX – начале XX вв. на первый план выдвинулись ученые-позитивисты. Подвергнув жесткой критике умозрительность «романтической методике», они предложили собственные подходы к анализу эпических текстов (надо отметить, что в первую очередь речь шла все же о средневековых письменных источниках). На основе систематизации и классификации разных редакций были выдвинуты: теория об эволюционном движении эпоса от «малой формы» к «большой форме» (А. Хольцман, Е. Кеттнер,

Ф. Панцер, К. Бартч, Ф. Царнке, Х. Штейнталь); теория так называемого «основного ядра» — фабулы, к которой могли присоединиться авантюры (ситуационные песни), произвольные по сходству или смежности общей тематики эпизоды (Дж. Грот, Е. Иессен, В. Кер, П. М. Леонтьев); теория унитаризма или концептуального осмысления неким автором всех известных ему источников и сведение их к одной идее (Г.-В. Нич, Г. Кёхли, Ф. Ф. Соколов); аристократическая теория — отведения ведущей роли в формировании эпопеи представителям высшего общества, одаренных творческим талантом (В. Вильманс, К. Беккер, М. Е. Халанский, Ж. Бедье, Э. Ланг).

Выражая свое отношение к этой научной полемике, А. Н. Веселовский писал: «западные ученые, которые очень мало знакомы с живой эпической традицией, невольно переносят на вопросы народной поэзии в древнем периоде вопросы критики чисто книжной. Этим грешит вся критика „Нибелунгов“ и отчасти критика Гомеровского эпоса» [Веселовский 1940: 622]. Так будет до тех пор, считал ученый, пока фольклор не перестанут воспринимать объектом социологии, антропологии, этнографии, а предание — называть «пережиточным предрассудком» «отсталых народов» и «некультурных классов» [Lang 1884: 11], «gesunkenes Kulturgut» («сниженные культурные ценности»), перешедшими от высших слоев к низшим; относиться к народному творчеству как к тому, что «в значительной степени соответствует первобытным народам» [Schmidt 1906: 138]. По мнению А. Н. Веселовского, филологи допускали методологические ошибки, когда осознанно не принимали во внимание генетические связи устной и письменной культуры, отрицали их диалектическое единство и двухсторонний трансфер, игнорировали сказительство как творческий вид деятельности, предполагающий художественное мастерство, личную инициативу в импровизации, профессиональное наставничество, не вникали в особенности развития эпического стиля и т. д. Именно по этой причине «после многолетней распри» [Веселовский (1886) 2010: 216], как считал А. Н. Веселовский, им удалось выяснить «лишь то одно, что где-то и когда-то за горизонтами

„Илиады“ и „Нибелунгов“ существовали прежние песни-былины того же содержания» [Веселовский (1886) 2010: 216–217], но по каким-то причинам не сохранились в своем первоизданном виде.

Исследованием эпоса сам А. Н. Веселовский занимался более тридцати лет, встраивая его в моделирование генезиса и эволюции исторической поэтики. Своими результатами ученый делился в фундаментальных сравнительно-исторических трудах, мелких заметках, лекциях, критических статьях, рецензиях, конспектах лекций об истории эпоса. Эта разбросанность осложняет наше восприятие его концепции и методологии, однако при комплексном изучении наследия А. Н. Веселовского — картина складывается достаточно ясная. К наиболее значимым трудам ученого об эпосе можно отнести: этюды «Южнорусских былин» (1881, 1884); статью-рецензию «Новые исследования о французском эпосе» (1885); лекции «Эпика и песенные своды. Вопрос об образовании эпопей. Вопрос о сербских песнях косовского цикла» (1884–1885) и «Общие вопросы эпоса, рассмотренные в предыдущих лекциях. Вопрос о гомеровских поэмах» (1884–1885); «История или теория романа? Вместо предисловия» к первому выпуску исследования «Из истории романа и повести» (1886); статьи «Из истории эпитета» (1895) и «Эпические повторения, как хронологический момент» (1897), а также незавершенные экскурсы «Поэтика сюжетов» и «Определение поэзии».

Наблюдения над русскими былинами, болгарскими, сербскими и греческими героическими песнями еще в самом начале научной карьеры убедили А. Н. Веселовского в том, что сказитель всегда старался исчерпать сюжетную линию и довести события до развязки. Однако здесь надо иметь в виду, отмечал он, что осознание сказителем и его аудиторией единства и границ текста народнопоэтического произведения специфически отличается от того, что создано автором. Эта мысль дала А. Н. Веселовскому повод допустить, что критерии изучения генезиса эпопеи должны складываться из категорий другого ряда: истории мысли и поэтического стиля. Отметив, что «язык всякого поэта создается в известной среде, что материал для него уже готов в древнейшей

истории и в целом ряде влияний, которые он мог испытать» [Веселовский (1884) 1940: 449], А. Н. Веселовский сместил вектор научного анализа в область синтагматических и парадигматических связей между языковыми элементами в художественном тексте и стал искать причины их перестройки и трансформации в контексте сменяющихся социально-экономических и историко-психологических отношений.

Эпопея как объект изучения

Обратившись к изучению когнитивно-знаковой системы, каждый поэтический элемент приобрел для А. Н. Веселовского большое значение на предмет основания и условий его смыслопорождения. Положив в основу своего метода принцип структурного сюжетосложения, ученый задался целью выяснить, что предшествовало «восприятию формальных элементов представлений, которые берутся за целое, становясь его символическим выражением» [Веселовский (1959) 2006: 143].

Наряду со многими другими учеными (К. В. Мюлленгофом, Х. Штейнталем, Я. Вакернагелем, Й. Л. Уландом, Э. Г. Гейером, В. Шерером, К. Барчем) отличительным признаком мифа А. Н. Веселовский называл синкретизм, подчеркивая, что суть его не в смешении, а в отсутствии различий между понятиями. В работе 1898 г. «Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля» А. Н. Веселовский уточнял: «Человек усваивает образы внешнего мира в формах своего самосознания; тем более человек первобытный, *не выработавший еще привычки отвлеченного, необразного мышления.* <...> Это мирозерцание мы назовем анимистическим; в приложении к поэтическому стилю, и не к нему одному, вернее будет говорить о *параллелизме*. Дело идет *не об отождествлении* человеческой жизни с природной и *не о сравнении*, предполагающем сознание раздельности сравниваемых предметов, а о *сопоставлении по признаку действия, движения*: дерево хилится, девушка кланяется — так в малорусской песне» [Веселовский (1898) 2006: 417]. Говоря иначе, на этом первоначальном этапе «недифференцированного человеческого

сознания» [Веселовский (1887) 1938: 220] с его партиципацией и синтагматическим планом речи, в отсутствии логического мышления и линейного понимания времени, структура текста могла соответствовать лишь «образному одночленному схематизму» [Веселовский (1913) 2006: 538] и, соответственно, разрастаться за счет повтора, дублирования, подставления аналогичных событий, «приращения» похожих встреч на пути героя, преумножения операционно-однотипных задач и т. д. К аналогичному выводу пришла и современная исследовательница И. Ф. Амроян. В труде «Типология цепеведных структур» (2000) она убедительно доказала, что «сюжетно-композиционные нанизывания» [Амроян 2000: 48] восходят к архаической модели сознания и речи, являясь одним из самых древних способов организации текста.

Первичные впечатления и непосредственные знания об окружающем мире, вынесенные в проекцию воображения, произвели «богатство языка и натуралистического мифа» [Веселовский (1868) 1938: 10], — утверждал А. Н. Веселовский вслед за В. Гумбольдтом. Его элементарные субъектно-предикативные схемы с условно-символическим значением, выполняющие текстопорождающую функцию, ученый назвал мотивом и отделил их от сюжета. Чтобы мотив-вымысел перерос в сюжет-замысел или, как его еще называл ученый, — *в анализ*, должны пройти века. Тогда только «одна тема будет стоять за другую» [Веселовский (1898) 2006: 437], «нарастать новым содержанием, общими местами, эпизодическими чертами и оборотами» [Веселовский (1898) 2006: 464], не просто описывая события, но излагая некую точку зрения на их причину и следствия.

Теория А. Н. Веселовского о генезисе первоначальных нарративных форм была построена им на эволюции языка-мифа и инициировала совершенно иной взгляд на происхождение эпоса. Объединив семантический и структурный аспекты, ученый одним из первых вывел изучение повествовательных форм на уровень комбинаторики и высказался о том, что текст, который возникает в результате художественно-логической деятельности, опирается на систему исходных формул, но соединяет их уже по иным, пара-

дигматическим, законам. Поэтому для него так важна была каталогизация поэтических формул и символов, к которой он постоянно стремился, чтобы наглядно продемонстрировать и оценить, как они функционируют в тексте.

В обширной рецензии на «Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским» (1880) А. Н. Веселовский писал: «Древняя песня жила поэзией символа» [Веселовский (1880) 2013: 582]. Ее ранние немногочисленные образцы отличаются простым складом. Особенности стиля: «эпическая рамка-завязка лирического развития, принцип диалогизма и преобладание паратаксы над синтаксическим соподчинением; известные излюбленные запевы, вращающиеся в кругу постоянных образов и сравнений; повторяемость оборотов, захваты из одного стиха в другой, из одной строфы в следующую, любовь к припеву и т. д.» [Веселовский (1886) 2010: 217]. До разработки поэтического сюжета «народно-песельная форма» дорастала постепенно, становясь «синтаксически-сплоченной» за счет личного сознания, которое «выходило из границ традиционного материала параллелей к новым сближениям, к новому пониманию образов и виртуальности описаний» [Веселовский (1898) 2006: 486], открывая доступ новым смыслам и чувствам, по новому комбинируя старое. На этом этапе «певец уже свободен выбором, но еще связан его материалом» [Веселовский (1880) 2013: 582]. Отрыв формулы от контекста превращал ее в топик. Например, когда характерный в начале песни параллелизм пейзажа и психических ощущений поется уже вдали от мифологического натурализма. И чем неестественнее песня распорядилась им, тем ближе она была к новой условности и выразительности. «На очереди личное творчество, — считал А. Н. Веселовский, — которое может сбросить с себя и эти последние оковы. <...> Это определяет органическую задачу личного поэта; в этом смысле Шевченко был личным продолжателем песни, над созданием которой трудился целый народ и его отдельные представители» [Веселовский (1880) 2013: 582].

Эпос — «не истечение мифа, а новая формация» [Веселовский (1999) 2010: 516], не раз подчеркивал А. Н. Веселовский. Во

всех своих аспектах она коррелирует не с первым впечатлением, а с памятью. Тот, кто хочет изучить результаты этой вековой работы, должен 1) познакомиться «не столько с политической, сколько с *народной*, общественной историей» [Веселовский (1887) 1938: 269] и 2) учитывать, что эпос — это «своего рода исторический суд» [Веселовский 1975: 299]. Личного вымысла здесь быть не могло, поскольку эпический мир воспринимался его носителями как далекий, но действительно существующий, имеющий самое непосредственное отношение к историческому прошлому народа. Его наделяли всеми признаками мира реального, земного: государственное устройство, социальная иерархия, враги, пиры, семья, дом и т. д., — все было в нем понятным и узнаваемым. Опыт мифа в моделировании был чрезвычайно важен эпосу и выступал по отношению к нему как некая метаструктура: «сходство эпических и мифических, и, добавим, сказочных схем ничуть не указывает само по себе на направление генезиса, на превращение богов в героев и богатырей и далее в сказочных царевичей и Иванов-дураков, — писал А. Н. Веселовский. — <...> В этом круговороте устойчиво лишь мало определенное: *одни и те же повествовательные схемы*, провожающие нас на всем протяжении развития, от мифа до сказки или наоборот, *и постоянно действующая сила фантазии, пластической или комбинирующей*» [Веселовский 1885: 244]. Мифопоэтическая образность, наряду с архетипами личного и коллективного бессознательного, оставалась в эпосе с «полным значением, человечески суггестивным» [Веселовский (1898) 2006: 421]. Однако на онтологическом, антропологическом и идеологическом уровнях эпос преодолевал миф, вставал по отношению к нему в оппозицию.

Посвятив ряд сравнительно-исторических исследований южнорусским былинам, французским, византийским, германским, болгарским, сербским и другим эпическим памятникам в соотношении с историческими и этнографическими сведениями, А. Н. Веселовский сделал вывод, что вся энергия эпоса сосредоточена на стремлении не утратить воспоминание о выдающейся личности. Но враг памяти не время, а другие воспоминания: каж-

дое новое событие требует образования новых связей. Более того, при переходе впечатления к воспоминанию подключается воображение. Эпическая личность становится столь же условной, как эпическое время, писал А. Н. Веселовский, и «чем *далее* образ или ассоциация образов удерживается в предании человечества, тем более мы вправе заключать об их *эстетичности*» [Веселовский (1913) 2006: 619]), потому что в итоге от личности остается всего лишь «тот *идеальный образ*, которым известное происшествие или героическая личность отразились в народном сознании» [Веселовский 1872: 909]. И поскольку по наследству от мифа эпико-поэтическая система получила «безусловное значение аксиомы» [Веселовский (1999) 2010: 507], в эпосе приобретает ценность именно «*историческая вероятность*» [Веселовский (1959) 2006: 128]. «Если б испанцу XIII–XIV веков кто-нибудь передал вполне достоверный факт об „историческом Сиде“ и этот факт шел вразрез с укоренившимся в нем песенным представлением о народном герое Кастилии, нет сомнения, что он отринул бы рассказ, не укладывавшийся в его *идеальный образ*, и поэтический Сид одержал бы в нем верх над Сидом истории» [Веселовский (1959) 2006: 127], — писал А. Н. Веселовский.

Позже М. М. Бахтин в работе «Эпос и роман» (1970) высказал аналогичное мнение о том, что прошлое в эпосе приобретает особое аксиологическое значение: «Эпическое прошлое, отгороженное непроницаемой гранью от последующих времен, сохраняется и раскрывается только в форме национального предания. <...> Эпический мир абсолютного прошлого по самой природе своей недоступен личному опыту и не допускает индивидуально-личной точки зрения и оценки. <...> Эпический мир завершен сплошь и до конца не только как реальное событие отдаленного прошлого, но и в своем смысле и своей ценности: его нельзя ни изменить, ни переосмыслить, ни переоценить. Он готов, завершен и неизменен и как реальный факт, и как смысл, и как ценность» [Бахтин 2000: 208].

Итак, абсолютное прошлое эпоса является его ценностной категорией. Для эпического мировоззрения «начало», «предок», «было раньше» и т. п. — не чисто временные, а ценностно-вре-

менные категории предания, которые реализуются как в отношении людей, так и в отношении всех остальных явлений эпического мира.

В своих трудах А. Н. Веселовский называл несколько причин, когда эпическое мирозерцание утрачивает свою устойчивость: 1) социум теряет «связь с прошлым, с его поэтической идеализацией» [Веселовский (1886) 2010: 584], 2) «расторглась цельность общественного строя» [Веселовский (1999) 2010: 508]; 3) «личность приносит с собой скепсис и разнообразие понимания» [Веселовский (1999) 2010: 508], удаляет поэта в его внутренний мир. Каждому пункту ученый уделял особое внимание.

Когда часть нации удалена от участия в политике и правлении, отмечал он, происходит «раздвоение народного сознания» [Веселовский (1999) 2010: 517], из-за этого эпос дифференцируется и перестает быть национальным. «В высших классах слагается литературный стиль эпоса» [Веселовский (1999) 2010: 517], формируется книжный эпос. Внешне он подражает древним формам эпоса, но общенародных интересов уже не отстаивает, «внимание поэта обращено на изображение психических моментов, за счет которого сокращается момент эпического рассказа» [Веселовский (1999) 2010: 518], в содержании доминирует «субъективное понимание исторических и легендарных фактов» [Веселовский (1999) 2010: 514] что, по мнению А. Н. Веселовского, — «в сущности, отрицание эпоса» [Веселовский (1999) 2010: 514]. Низшие классы создают свой — простонародный эпос, который «сохраняется областной памятью» [Веселовский (1999) 2010: 514], питается перепевами старого, окрашиваясь местными представлениями. Оба типа эпоса отличаются друг от друга стилем, способом отражения идеального, речью героев и т. д. Когда впечатления от внешнего мира сужаются еще больше, проходит общенародное верование в некогда сакральные смыслы, «абсолютный художественный принцип» [Веселовский (1999) 2010: 507] эпоса вульгаризируется. И в аристократическом, и в простонародном эпосе его идеалы снижаются до грубого преувеличения, юморизма, шаржа, карикатуры и т. д.

Подчеркнем еще раз, происхождение эпопеи в понимании А. Н. Веселовского — это, прежде всего, результат исторической эволюции, сделавшей возможным переход «от мотива к сюжету». В текстах подлинно-мифологического типа многогеройность, готовность к обобщениям, к остранным восприятию своей истории и ментальности, к объективному «миросозерцанию предыдущей, эпической эпохи» [Веселовский (1886) 2010: 578] — невозможна в принципе. И хотя «народные эпопеи анонимны, как средневековые соборы» [Веселовский (1894) 2006: 60], — отмечал ученый, — они «не механический спай эпических песен-кантилен, как то полагали многие, а нечто *новое*, отличающее одного автора, его *индивидуальный* подвиг; <...> с ним надо считаться, покинув туманные представления о хоровом, массовом начале, создавшем явление эпопей» [Веселовский (1899) 2006: 239].

Таким образом, важнейшими предпосылками эпопеи А. Н. Веселовский называл:

- смену мифологического ощущения времени эпическим;
 - переход от синкретизма к детерминизму;
 - «акт первого выхода личного творчества из массового» [Веселовский (1999) 2010: 512];
 - богатство эпических песен и их «внутреннее единство, обусловленное единством содержания» [Веселовский (1886) 2010: 578];
 - однозначная реакция всех членов общества на эпопею как на национальное достояние с исключительной ролью «исторической традиции, родовой и народной» [Веселовский (1899) 2006: 237].
- К сущностным признакам эпопеи он относил:
- стремление к идеализации прошлого на фоне всеобщего народного единства и «осознания политически сплотившейся народности, чающей исторических целей» [Веселовский 1975: 239];
 - присутствие личного поэтического акта, но еще не осознание его таковым;
 - наличие «песенного предания с типами, способными изменяться содержательно, согласно с требованиями общественного роста» [Веселовский (1894) 2006: 58];

— тяготение к эпико-драматическому пафосу, трагическому конфликту и его разрешению;

— формирование параллельно устной традиции книжной формы эпоса.

Методы и приемы текстологии и источниковедения, герменевтики и филологического анализа приобрели особую значимость у исследователей следующего поколения. По ряду причин созданная А. Н. Веселовским система, совмещающая в себе и моделирующую, и рецептивную теории поэзии, широкого научного резонанса не получила. Между тем, выводы ученого находили себе подтверждения и получали новые доказательства.

Так, например А. Хойслер, проявивший, как и А. Н. Веселовский, интерес к морфологической структуре эпических форм, в своих работах начала XX в. пришел к аналогичному с ним заключению, что различия между героической песней и эпосом нужно искать не в фабуле, которая остается традиционной, а в стиле повествования и в функциональных связях мотивов. Для героико-мифологической песни, утверждал А. Хойслер, характерна однотипная подача информации: поскольку «эмоциональная» память о событии способна породить лишь описательный текст, то он, соответственно, об обстоятельствах и исключительности героя. Эпос же ориентирован на каузальность и раскрытие сути конфликта. Эту разницу А. Хойслер объяснял так же, как и А. Н. Веселовский, — изменениями в парадигме общественного сознания и, соответственно, в иных способах выражения условной действительности. Причины дискурсивных смещений в область эстетических и аксиологических идеалов оба ученых видели в изменениях экономической, политической и социальной жизни народов.

В своих исследованиях А. Н. Веселовский, и А. Хойслер широко применяли метод реконструкции текстов эпических песен и не обнаружили ни одного случая перехода «малой» формы в «большую» редакционным способом. Этот факт вынуждал их предположить, что эпическим песням, по формальным признакам относящимся к разным формациям, нельзя приписывать генетические связи, так как это противоречит их структурно-функцио-

нальным и семантико-стилистическим особенностям. Однако в то время, как А. Н. Веселовский делал акцент на «единении певца и народа» [Веселовский (1886) 2010: 582], А. Хойслер, будучи приверженцем «аристократической теории», утверждал, что эпopeя — это творческий метод «шпильмана эпохи после 1200 года» [Хойслер 1960: 52].

Примерно в 20-е гг. XX в. в науке все чаще стали появляться работы (В. Андерсона, А. Зауера, И. Мейера, Й. Надлера, Р. Печ, А.-М. Эспинозы), в которых предпринимались попытки признать за фольклором право называться словесным искусством. Позиции фольклористов укрепились после публикации в 1929 г. статьи Р. О. Якобсона и П. Г. Богатырева «Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens» («Фольклор как особая форма творчества»), указавших на принципиальные отличия устнопоэтического творчества от письменно-книжного. В 1930-е гг. этот вопрос вызвал дискуссию в советской науке. Главными оппонентами стали В. М. Жирмунский, О. М. Фрейденберг, М. К. Азадовский, И. В. Карнаухова, А. М. Астахова и другие. Компромиссное положение занял Ю. М. Соколов. С одной стороны, он утверждал, что фольклор — процесс социально-значимый и живой, а с другой, продолжал утверждать, что эпopeя сформировалась в феодальных кругах и как «культурный продукт» заимствовалась низшими слоями общества.

Если бы в этой полемике принимал участие А. Н. Веселовский, то, скорее всего, он обратил бы внимание на то, что суть полемики необходимо свести к проблеме «народности и простонародности песни — одной из самых важных с точки зрения методики народного творчества» [Веселовский (1886) 2016: 189]. В статье «Новые книги по народной словесности» (1886) ученый писал: балладу с исторической песней связывает «единство типа, свойственного как древнефранцузской песне народного стиля, так вообще и современной, хотя бы например любовной» [Веселовский (1886) 2016: 194]. Изучив этот материал со стороны стиля и приемов, «мы получим приблизительно верное понятие о той народной песне, которая <...> предварила развитие художественной поэзии

и отчасти определила ее формально» [Веселовский (1886) 2016: 203]. К признакам народности А. Н. Веселовский относил «*locus communis*», постоянные эпитеты, типические сравнения, формульность природных зачинов, параллелизм и прочее, что отражает тот тип мышления, который восходит к народно-песенным основам. Конечно, уследить, как, например, любовная лирика выделялась из массово-народной, «трудно при отсутствии древних записей действительно народных песен: современная народная песня, нередко, в свою очередь, воспринявшая литературное влияние, может дать лишь условный критерий» [Веселовский (1886) 2016: 207]. Но что удивительно: как «классическое предание разбудило в народной поэзии первой половины средних веков *осознание поэзии*» [Веселовский (1886) 2016: 206], которого до этого не было, так и анонимная народная песня вызвала осознание особой ценности личного поэтического акта.

В 40-е гг. XX в. немецкий ученый-лингвист Т. Фрингс, изучая основы литературного немецкого языка на текстах германских средневековых письменных памятников, принял сторону эволюционистов и стал доказывать, что героический эпос двигался от «*Kurzepos*» («малые формы эпоса») к «*Großepos*» («большие формы эпоса») и, наконец, в эпоху позднего Средневековья достиг «*riesenhaften Formen*» («колоссальные формы»). Как и А. Н. Веселовский, он признал значение дискурса в этом процессе, связав с ним деятельно-познавательный опыт и статусно-ориентированные ценности человечества. Размышляя о «Песни о Роланде», ученый предположил, что «поскольку Франция раньше и основательнее пережила героические времена, она быстрее сформировала образ христианского воина и его новую этику» [Frings 1971: 266], замешенную на латинских литературных образцах, для которых героико-идеологическая суть предания уже не имела значения. Фантастические, психологические, лирико-сентиментальные мотивы вытеснили героический пафос и в «Песни о Нибелунгах», но по другой причине. Ее носителями были бродячие поэты, которые исполнением зарабатывали себе на жизнь. Выступая одновременно в роли и декламатора,

и интерпретатора старины, шпильманы за авантюрные сюжеты получали больше прибыли, поэтому предпочитали петь об увозе жены и ее возвращении, о сватовстве, о развитии брачной интриги, о побратимстве и кровной мести и т. д. Нет сомнений, убеждал Т. Фрингс, что именно так мотив сватовства стал смыслообразующим в цикле о Нибелунгах: старую песню шпильман увеличил в размере за счет трех других уже готовых повествовательных схем, которые он искусно связал. «Сватовство Зигфрида к Кримхильде он поставил в начало по причине слабой подготовки; в середине использовал древнюю хорошо отработанную меровингскую фэбулу о воинственной деве и сказочном герое; в завершении применил еще один древний мотив — смерть на охоте» [Frings 1971: 303]. На фоне новых феодальных идеалов сказочный мир с волшебниками и сокровищами, с девушкой-воином раннего миннезанга выглядел слишком традиционно, но шпильман был еще не в состоянии сменить эту старую этику новой, как это сделал впоследствии придворный поэт. И на этот путь, полагал ученый, ушло не менее 700 лет.

О «малых» и «больших» эпических формах в статье «Эпос в мировой литературе» (2015) размышляет в свою очередь и современный эпосовед С. Ю. Неклюдов. Как и А. Н. Веселовский, он берет курс на жанрово-композиционный, стадияльно-типологический и нравственно-эстетический аспекты изучения этого вопроса и приходит к следующим выводам: «малые» и «большие» формы отличаются друг от друга не столько размером, сколько *событийным* охватом повествования, «произведение „малого эпоса“ сплошь и рядом оказывается „одноходовым“ (завершенный эпизод соответствует одному сюжетному „ходу“ повествования)» [Неклюдов 2015: 8], способным развиться лишь в «линейную» или «концентрическую» циклизацию. Это, как правило, жизнеописание богатыря или «одноходовые» песни без сквозного сюжета, действия которых сосредоточены вокруг одного места, времени или героя. Механизм формирования «большой» эпической формы принципиально другой, подчеркивает С. Ю. Неклюдов. Должна появиться потребность в дополнительной разработке темы, от

чего удваивается количество персонажей, разрастается экспозиция, в «сюжетных мотивировках, которые при всем своем вспомогательном характере способны разворачиваться в самостоятельное повествование» [Неклюдов 2015: 10]. Располагая значительно большим материалом, чем А. Н. Веселовский, С. Ю. Неклюдов вместе с тем приходит к похожим с ним выводам: «большие» и «малые» формы «могут появляться и исчезать, не эволюционируя и не превращаясь друг в друга, хотя проблема их соотносительной типологической архаичности все-таки остается» [Неклюдов 2015: 9]. В поле этого вопроса исследователь вносит еще одну проблему: выяснить, при каких обстоятельствах сказитель был готов к импровизации, а общество — к тому, чтобы оценить качество разработанной им темы.

Заключение

В статье «О введении в историческую поэтику» (1894) А. Н. Веселовский поставил как перед собой, так и перед следующими поколениями ученых вполне конкретные задачи: разобраться в причинах возникновения художественной словесности, выявить исторические условия, благоприятные для поэтического творчества, найти основания для установления связей между общественными идеалами и художественными, обнаружить переменные и устойчиво-закономерные признаки концептоформ, выработать критерии научного анализа. Привязав историю поэзии к эволюции сознания, ученый акцентировал внимание на ее коммуникативной функции, из чего вполне логично вытекали выводы о значимости контекста и интертекста, структурности, когнитивности и релятивности.

Чтобы заменить «ходячие „теории поэзии“ чем-нибудь более новым и цельным» [Веселовский (1894) 2006: 83], А. Н. Веселовский рекомендовал изучать эпопею не только с точки зрения формальных показателей, как это делала немецкая филология, и не сосредоточившись на одном лишь анализе личностного творчества, как это делала французская и итальянская филология, и не с позиции одной лишь эволюции, как это делала английская фило-

логия, а именно как исторический процесс, «совершающийся в постоянной смене спроса и предложения, личного творчества и восприятия масс, и в этой смене вырабатывающий свою законность» [Веселовский (1894) 2006: 83].

Литература

- Амроян 2000 — Амроян И. Ф. Типология цепевидных структур. Тольятти: МАБИБД, 2000. 122 с.
- Бахтин 2000 — Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) (1970) // М. М. Бахтин. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. С. 194–232.
- Веселовский 1872 — Веселовский А. Н. Две Варшавские диссертации // Вестник Европы. 1872. Т. 4. № 8. С. 902–918.
- Веселовский 1940 — Веселовский А. Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и прим. В. М. Жирмунского. Л.: Худ. лит., 1940. 648 с.
- Веселовский 1975 — Веселовский А. Н. Из лекций по истории эпоса / публ. В. М. Гацака // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 287–319.
- Веселовский (1868) 1938 — Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868) // Собрание сочинений А. Н. Веселовского. Т. XVI. М.; Л.: АН СССР, 1938. С. 1–82.
- Веселовский (1880) 2013 — Веселовский А. Н. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом, юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским, 7 томов (1880) // Веселовский А. Н. Избранное: Эпические и обрядовые традиции / сост. тома, прим., археограф. работа, предисл. Т. В. Говенько. М.: Полит. энциклопедия, 2013. С. 527–594.
- Веселовский (1884) 1940 — Веселовский А. Н. Из лекций по истории эпоса (1884) // Веселовский А. Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и прим. В. М. Жирмунского. Л.: Худ. лит., 1940. С. 446–492.
- Веселовский (1885) — Веселовский А. Н. Новые исследования о французском эпосе // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Ч. ССXXXVIII. Апрель. С. 239–285.
- Веселовский (1886) 2010 — Веселовский А. Н. История или теория романа? Вместо предисловия (1886) // Веселовский А. Н. Избранное: На пути к исторической поэтике / сост. тома, авт. послесловия и коммент. И. О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. С. 577–602.

- Веселовский (1886) 2016 — *Веселовский А. Н.* Новые книги по народной словесности (1886) // Веселовский А. Н. Избранное: Критические статьи и заметки / сост., авт. прим. и послесловия Т. В. Говенько. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 188–255.
- Веселовский (1887) 1938 — *Веселовский А. Н.* Лорренские сказки (1887) // Собрание сочинений А. Н. Веселовского. Т. XVI. М.; Л.: АН СССР, 1938. С. 212–230.
- Веселовский (1894) 2006 — *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику. Вопросы и ответы (1894) // Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / авт. вступ. ст. и коммент., сост. тома И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. С. 55–80.
- Веселовский (1898) 2006 — *Веселовский А. Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля (1898) // Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / авт. вступ. ст. и коммент., сост. тома И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. С. 417–508.
- Веселовский (1899) 2006 — *Веселовский А. Н.* Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов (1899) // Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / авт. вступ. ст. и коммент., сост. тома И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. С. 173–304.
- Веселовский (1913) 2006 — *Веселовский А. Н.* Поэтика сюжетов (1913) // Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / авт. вступ. ст. и коммент., сост. тома И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. С. 535–652.
- Веселовский (1959) 2006 — *Веселовский А. Н.* Определение поэзии (1959) // Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика / авт. вступ. ст. и коммент., сост. тома И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. С. 81–170.
- Веселовский (1999) 2010 — *Веселовский А. Н.* Эпос (Из авторского конспекта лекционных курсов 1881–1882 и 1884–1885 гг.) (1999) // Веселовский А. Н. Избранное: На пути к исторической поэтике / сост. тома, авт. послесл. и коммент. И. О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. С. 507–520.
- Неклюдов 2015 — *Неклюдов С. Ю.* Эпос в мировой литературе // ШАГИ. Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований. 2015. Т. 1. № 2. С. 7–18.
- Хойслер 1960 — *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / под ред. В. М. Жирмунского и Н. А. Сигал. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 446 с.

- Frings 1971 — *Frings Th.* Gesammelte Schrifte // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle (Saale): M. Niemeyer Verl., 1971. Bd. 91. 559 s.
- Lang 1884 — *Lang A.* Custom and myth. London: Longmans, Green and Co., 1884. 312 p.
- Schmidt 1906 — *Schmidt P. W.* Die moderne Ethnologie, ihr Ursprung, ihre Natur, ihre Ziele // *Anthropos*. 1906. Bd. I. Pp. 136–163, 318–388, 592–644, 950–997. Edição francesa: «L’Ethnologie moderne».